

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ДЛЯ СЕДЬМОГО НОМЕРА «КОЛОКОЛА»

Сообщение Л. Я. Гинзбург

30 мая 1870 г. в № 148 газеты А. А. Краевского «Голос» появилась следующая заметка: «Нам сообщают из вполне достоверного источника, что по смерти эмигранта, князя П. В. Долгорукова, бумаги его хранились у г. Тхоржевского, бывшего лондонского книгопродавца. Известно, что князь Долгоруков был собиратель всевозможных записок, автографов и что архив его состоял из интереснейших документов для изучения истории нашего века. Каждая бумага, каждое письмо было у него занумеровано в каталоге и на каждом было помечено, когда, кем и при каких обстоятельствах было оно получено. Архив этот г. Тхоржевский продал какому-то русскому офицеру за 26 000 франков; но ни он сам, ни кто другой не могут объяснить, кто был этот офицер. Между тем, нелишнее было бы знать, в чьих именно руках находится этот замечательный архив».

«Голос» Краевского (издавался в 1862—1883 гг.) был органом буржуазных либералов. Герцен неоднократно выступал против «Голоса», особенно резко в 1863 г., когда, в ответ на выпады этой газеты, в л. 170 «Колокола» появилась статья «Из заведений А. А. Краевского, в которой Краевский был назван «содержателем литературных притонов» (XVI, 480—482). Публикуемая ниже заметка продолжает герценовскую традицию иронического отношения к либеральной медоточивости «Голоса» и его пресмыкательству перед властью имущими. Однако в данном случае намеки «Голоса» на то, что с продажей бумаг Долгорукова обстоит неблагополучно, не заслуживали того пренебрежения, с которым к ним отнеслись Огарев и Нечаев.

Князь Петр Владимирович Долгоруков, фрондирующий аристократ, сторонник конституционной монархии, с 1859 г. находился на положении политического эмигранта (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 126—132). Герцен не мог, конечно, сочувствовать политическим взглядам Долгорукова, но все же ценил в нем язвительного противника самодержавия. Долгоруков в течение многих лет собирал материалы, компрометирующие династию Романовых, а также придворную и бюрократическую знать. Со своими разоблачениями Долгоруков несколько раз выступал печатно: в «Записках о знатнейших фамилиях России» (1843), в «Правде о России» (1860), в «Сказании о роде князей Долгоруковых» и, наконец, в первом томе «Записок», изданных в 1867 г.

П. В. Долгоруков умер в Берне, в августе 1868 г. В № 12 герценовского «Kolokol» (от 15 сентября 1868 г.) этой смерти посвящена заметка, заканчивающаяся словами:

«Те, чью сомнительную совесть повергли в трепет его разоблачения, его замечательная память и богатые документы, могут вздохнуть теперь свободно.

Да, но не совсем *так свободно*, как они надеются: князь Долгоруков не унес с собой своих бумаг и папок. Они в *очень надежных руках*» (XXI, 88—89).

Герцен имел в виду своего многолетнего помощника по Вольной русской типографии С. Тхоржевского. В последние годы жизни Долгоруков сблизился с Тхоржевским и, умирая, завещал ему часть своего имущества и свои бумаги, с обязательством их издать. В «Supplément du Kolokol», вышедшем в феврале 1869 г., Герцен сообщил: «С. Тхоржевский намерен обнародовать часть *материалов, служащую продолжением „Записок“*

отношения, завязавшиеся у него с Огаревым и в особенности с Бакуниным. Пользуясь своей близостью к столь видным деятелям русской эмиграции, Роман-Постников надеялся (но тщетно) открыть местопребывание Нечаева¹.

История покупки Романом архива Долгорукова подробно изложена в книге Р. Кантора «В погоне за Нечаевым», изд. 2-е. Л., 1925 (главы III, V, VI, VII). В этой же книге приведены два письма Герцена к «Постникову», не вошедшие в собрание сочинений под ред. Лемке (стр. 43—44, 54).

На стр. 81 книги «В погоне за Нечаевым» процитировано донесение Романа от 19 июня 1870 г.: «Заметка „Голоса“ насчет продажи Тхоржевским бумаг делает здесь до сих пор мало шума. До сих пор все обходится для меня благополучно; не знаю, что будет дальше». Р. Кантор в этой связи даже ставит вопрос о том, читали ли Огарев и Бакунин «Голос». Теперь мы знаем, что издатели «Колокола» не только читали заметку в «Голосе» от 30 мая, но даже заготовили на нее ответ, свидетельствующий об их слепом доверии к ловкому агенту. Рукопись этого ответа, который должен был появиться в седьмом номере возобновленного «Колокола», сохранилась в «пражской коллекции». Номер этот, вследствие прекращения издания, так и не увидел света. Приводим здесь текст заметки по автографу «пражской коллекции» (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 55):

«Для 7-го номера „Колокола“.

Медоточивый „Голос“ Краевского сделался в последнее время наивно любопытен. В своем номере от 30 мая, с невинностью ребенка передавая из достоверного источника (что может быть в этом случае достовернее слов самого г. Тхоржевского?) слух, что г. Тхоржевский продал оставшиеся после смерти князя П. В. Долгорукова исторические материалы какому-то русскому офицеру за 26 000 фр., но не в том дело, а вот в чем:

„Голосу“ крайне хочется знать, в чьих именно руках находятся бумаги покойного князя или, другими словами, кто именно упомянутый офицер, конечно, для сообщения его имени дальше, как подобает верноподданнической газете.

Редакция „Колокола“ может успокоить „Голос“ ответом, уже ранее заявленным, что бумаги находятся в очень хороших руках и будут скоро изданы несколькими отдельными выпусками».

¹ О беспечной доверчивости, с какой Огарев и Бакунин отнеслись к «Постникову», сохранилось любопытное свидетельство М. Элиидина. 9 сентября 1870 г. он писал П. Л. Лаврову:

«... Огарев с Бакуниным хотели издавать „Общину“ *, но они теперь совершенно об (...), если позволите так выразиться. Вот в том-то и дело, что они не знают ни жизни, не умеют узнавать и личностей. Я думаю, вам Герман ** рассказал, как Огарев по своей простоте душевной чуть было не выдал руками своего питомца Нечаева. Теперь с ними произошла штука еще. Расскажу вкратце. Эти два дружка (Огарев и Бакунин) затевают издавать журнал, шушукуются по секрету, рассылают свои требования своим и чужим знакомым. Сходятся на интимную с неким полковником Постниковым, который покупает у Тхоржевского (прихвостня покойного Герцена) бумаги, оставшиеся после смерти князя Долгорукова. Постников только суетится с ними по изданию „Общины“, а сам сдает некоторые рукописи в типографию Герцена для печати. Все это, говорю, делалось у них в таком секрете, что мы, эмигранты, ничего не знаем об затеях. Наконец, удается слышать через четвертые руки, что Огарев адресовался за сотрудничеством и к вам, на что вы изъявили полное согласие и т. д. А затем удалось мне напасть на одного Сахар Медыча и узнать, что III Отделение

* Летом 1870 г., после прекращения «нечаевского» «Колокола» Огарев задумал издавать журнал «Община»; намерение это не осуществилось (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 575—578).

** Г. А. Лопатин.

отрядило своих агентов кушать во что бы то ни стало у Тхоржевского долгоруковские бумаги и что этот агент — некто полковник Роман, живущий в Женеве под именем Постникова. И тут узнал, как гонялись последние четыре года за Герценом и как охотились за Нечаевым. Все эти вещи я вычитал в корреспонденциях III Отделения. До 1870 г. письма из III Отделения писались к заграничным шпионам Филиппеусом, а с нового года Никифораки. Совсе не хотелось бы мне навязываться к Огареву со своим предупреждением, так как я не раз был вышучиваем за таковые. Как, например, в 1867 г. является в Женеву некто Шевелев под именем эмигранта, будто бы сидевшего и бежавшего из Петропавловской крепости. Вглядевшись попристальнее, я сейчас узнал, что это ташкентец из III Отделения (приметы его: 46 лет, брюнет, росту с Германа, на рыле передних зубов нет, глаза бегающие и вечно ищущие чего-то). Иду оповестить в герценовскую типографию об этом ташкентце. Меня не только высмеяли они, даже передали Шевелеву, что я предупреждал их об нем. Чем же, вы думаете, кончилось? — Да просто тем, что Огарев с ним сдружился. Бакунин раздружился только тогда, когда все стали хохотать под нос, что он революционизирует III Отделение. Огарев же остался при убеждении, что Шевелев молокан, так как та бестия назвалась им. Но, забыв глупые насмешки, я все-таки ходил к Огареву и перепоздравил с новым членом ихнего комитета Постниковым, рассказав в чем дело. Не знаю, что он будет делать с Постниковым, но ему <Огареву> очень не хочется верить моим сообщениям. Я сделал это в последний раз — уж скучная роль вечно быть нянькой взрослых людей, имеющих репутацию „вожатых революции“.

Так, видимо, тут нет никаких раздоров и личностей, а просто у нас различные приемы в действиях. Теперь вы сами можете вывести заключение, что можно ожидать от таких редакторов революционного органа, редакторов, принимающих постоянно в объятия всякого проходимца. Типографщик Герцена рассказывает мне, что Огарев поделился не только всем происшедшим с этим Постниковым, но даже рассказал и все будущие планы об „Общине“*.

Спасение будущих сотрудников „Общины“ будет в том, что, может быть, Огарев по плохой памяти пере забыл перечислить их поименно, так как у него память плохая...» (ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 198, оп. 4, ед. хр. 504, лл. 6 об.—8 об.; текст сообщен Н. Д. Эфрос).

ПОЧЕМУ ПРЕКРАТИЛСЯ ВОЗОБНОВЛЕННЫЙ «КОЛОКОЛ»?

Сообщение Б. П. Козьмина

Предпринятая Огаревым вместе с Нечаевым попытка возобновить после смерти Герцена издание «Колокола» с самого начала была обречена на неудачу. Огарев, как известно, дал вовлечь себя в ту агитационно-пропагандистскую кампанию 1869—1870 гг., которую авантюристически вел Нечаев при активном участии Бакунина. Но, по существу, взгляды Огарева и Нечаева на задачи и методы революционной борьбы резко расходились. Это различие должно было привести и действительно привело к разрыву их кратковременного союза, нашедшего себе выражение, в частности, в попытке возобновления «Колокола». В «пражской коллекции» есть документ, проливающий свет на одну *внешнюю* причину, ускорившую процесс этого разрыва и непосредственно приведшую к прекращению возобновленного «Колокола». Документ этот — письмо Л. Чернецкого к Огареву от 2 мая 1870 г. Приводим текст письма (ЦГАЛИ, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 180, лл. 1—2):

40, Pré-l'Evêque, Genève
2 мая 1870 г.

Любезный Николай Платонович!

Я не знаю, что нехорошего с моей стороны, что не могу согласиться продолжать печатать новое издание «Колокола» на условиях, просто унизительных для меня.

* Из донесения Романа-Постникова явствует, что Огарев и Бакунин действительно посвящали его в планы издания журнала «Община» (см. Р. Кантор. В погоне за Нечаевым. Пг., 1922, стр. 5—7 и др.).